

Люди искусства

А Муля нервировал всю жизнь

Моск. правда. - 1998. - 23 июня. - с.5.

вторая книга в январе 1940 года Раневская несла по Уланскому переулку из роддома домой.

Он тогда еще не знал, что следующие сорок четыре года ему посчастливится жить в мире своей Фуфы, как он ласково называл Фаину Георгиевну. Почему именно она несла? Да потому что семья Щеглова задолго до его рождения стала второй семьей Раневской. Поэтому по-особому воспринимается и написанная **Алексеем Щегловым** книга «**Раневская. Фрагменты жизни**».

Конечно, в детстве оценить мощь Раневской не в состоянии никто. Спасибо Щеглову, при описании того времени, когда он был ребенком, обращался к другим людям и брал в повествование их воспоминания. А в дополнение - спокойные добавления автора, которые не перегружены стилистическими кружевами и излишней многозначительностью. Слов употребляется ровно столько, чтобы они могли дать что-то новое в восприятии Раневской. «Фаина Георгиевна была для меня в детстве добрым волшебником, открывающим любые двери. Потом она стала для меня драгоценным и незащищенным близким человеком, но никогда я не испытывал страха от размеров ее известности и величия».

Зато многие, включая Брежнева, от встречи с такой известностью делались дурее. Фразу про Мулю для «Подкидыша» Фаина Георгиевна сочинила сама. Себе на беду, как выяснилось позже, едва фильм прошел по всей стране и сделал ее персонаж знаменитым. Доставали везде, каждый считал своим долгом произнести этот пароль, полагая по недомыслию, что это «ключ» к сердцу Раневской. Брякнул про Мулю и бровеносец во время вручения актрисе ордена Ленина. «Леонид Ильич, - обижено сказала Раневская, - так ко мне обращаются или мальчишки, или хулиганы». Генсек смутился, покраснел и пролепетал, оправдываясь: «Простите, но я вас очень люблю».

Невдомек ему, что страдала актриса оттого, что любят не ее вовсе, а те персонажи, что были созданы и благодаря кино стали популярными. За это кинематографу от нее доставалось: «Представьте, что вы моетесь в бане, а туда пришла экскурсия». А также: «деньги кончились, а позор остался».

Не переносила она повторов, фальши, мещанства. Нам привычно узнавать Раневскую в свободном юморе и ненормативном покрове мыслей. Но в книге есть места, которые помогают понять происхождение в ее мозгах и душе таких талантливых и уникальных аккордов. Почему бы не этот случай, который воспроизведен в книге с записей Фуфы: «Несчастной я стала в 6 лет. Гувернантка повела в приезжий «Зверинец». В маленькой комнате в

клетке сидела худая лисица с человеческими глазами, рядом на столе стояло корыто, в нем плавали два крошечных дельфина, вошли пьяные шумные обормоты и стали тыкать палкой в дельфиний глаз, из которого брызнула кровь...»

Вот эта та

правда, которая делает настоящим и глубоким любой образ. А что до шуточек, выдернутых из контекста жизни, то они скорее не раскрывают таланта великой Раневской, а лишь развлекают публику. Но отнюдь не развлечение публики было основным делом Раневской. Обнаженные нервы, неудавшаяся личная жизнь, постоянные внутренние раздражения на тему собственной несостоятельности, страшное, глубинное одиночество... При чем здесь развлечение публики?

Требовать от пишущего о Раневской суперлитературного таланта - пожалуй, сверхнапряг. Тут важнее, что автор напряг память, нашел время и сделал книгу. Получилось, на мой взгляд, удивительно аккуратно и со вкусом. И вкус прежде всего в том, что не стал выпячивать собственную персону. Многие профессиональные литераторы не удержались бы от соблазна возможно сочнее изобразить себя, ненаглядных, на фоне всем известной актрисы. Замечательный тест: из повествования Алексея Щеглова об авторе можно узнать несколько фактов - родился, учился, женился. То есть практически ничего. Мы даже не знаем, на «ты» или на «вы» шло их общение. Все отдано Раневской, великой, великодушной, трагичной, разной.

Получилось и то, что в других книгах порой достигается нудными псевдоэмоциональными конструкциями. Щеглов удивительно точно смог описать то, чего не было по большому счету в жизни Раневской. Имеется в виду любовь между мужчиной и женщиной, обычная двусторонняя земная любовь, с нежными выходками, ревностью, детьми. Причем смог это обозначить с помощью как бы белых пятен, но не впадая в описание пустоты. То есть обо всем есть, а об этом - ни сюжета, ни слова, ни полслова. Лишь изредка, словно злом из той пропасти, заметы самой актрисы.

Свое первое свидание она считала неудачным. Это был

гимназист, который назначил встречу сразу двум девочкам. Девочки пришли раньше, потом появился гимназист, «несколько не смутившись при виде нас обеих. Герой сел между нами и стал насистывать. А соперница требовала, чтобы я немедленно удалась. На что я резонно отвечала: «На этом месте мне назначено свидание, и я никуда не уйду». Соперница заявила, что не сдвинется с места. Я сделала такое же заявление. Каждая из нас долго отстаивала свои права. Потом герой и соперница пошептались. После чего соперница подняла с земли несколько увесистых камней, стала в меня их кидать. Я заплакала... Пришлось уступить...»

Это самый большой фрагмент о любви. На все дальнейшее повествование кидает свет именно этот случай. Первый трагичный.

Имя подарил ей Чехов. Она страшно гордилась, что родилась с ним в одном городе. Трогательно гордилась, не смея соизмерить свою величину с его, что лечит зубы у его племянника. В день его смерти взяла в руки «Скучную историю», с того момента кончилось ее детство. Видимо, под его влиянием научилась не оценивать событие, а возможно точнее его поймать и передать словами. Факт получался яркий, насыщенный, правдивый. «Первым учителем был Художественный театр. В те годы первой мировой войны жила я в Москве и смотрела по несколько раз все спектакли, шедшие в то время, Станиславского в Крутицком вижу и буду видеть перед собой до конца дней. Это было непостижимое что-то. Вижу его руки, спину, вижу глаза чудные - это преследует меня несколько десятилетий... Шла по Леонтьевскому - было это в году 15-м... Услышала

«бобрегись» - кричал извозчик, их звали тогда «Ванька». Я отскочила от пролетки, где сидел Он, мой Бог Станиславский, растерялась, запрыгала и закричала: «Мальчик мой дорогой!»

Из обожаемых - Ахматова - «вдруг такая печальная, что при ней неудобно улыбаться и говорить о пустяках», Толстой: «Мне кто-нибудь в мире объяснит, что это за старик?» Пушкин открывал с каждым годом новые высоты для обожания. Никакой фальши не было в преклонении перед ними у Раневской. Пушкина обожала всеми фибрами души. Наверное, втайне переживала, что незнакома. «Я боюсь читать Пушкина: я всегда плачу». Или вот эти замечательные слова, страшно подумать, что их могло не быть в книге: «...я опять принимаю сновидное и думаю о Пушкине. Если бы я его встретила, я бы сказала ему, какой он замечательный, ...как я живу им всю свою долгую жизнь... Потом я засыпаю, и мне снится Пушкин. Он идет с тростью мне навстречу. Я бегу к нему, кричу. А он остановился, посмотрел, поклонился, а потом говорит: «Оставь меня в покое, старая... Как ты надоела мне со своей любовью».

Современна ли была Раневская? Вряд ли. Похоже, всю свою жизнь она страдала именно оттого, что не вписывается в ритм, размер, моду, чьи-то вкусы. Оттого и тоска неимоверная, и желание все поправить, бросая в топку каждого события только собственные нервы. И одиночество. «Кто бы знал мое одиночество? Будь он проклят, этот самый талант, сделавший меня несчастной». «Я очень хорошо знаю, что талантлива, а что я сделала? Пропадала, и только...»

Книга составлена из коротеньких кусочков. Свою книгу Раневская уничтожила: «книги должны писать писатели, мыслители или же сплетники». Никакими воспоминаниями теперь не восстановить. Остаются лишь родные клочки этой книги, которые с любовью собрал Щеглов.

«Проклятый девятнадцатый век, проклятое воспитание: не могу стоять, когда мужчины сидят».

«Когда нужно пойти на собрание писателей, такое чувство, что сейчас предстоит дегустиация меда с касторкой».

«Пипи в трамвае - вот все, что сделал режиссер в искусстве».

«Страшно грустна моя жизнь. А вы хотите, чтобы я воткнула в... куст сирени и делала перед вами стриптиз».

Вот так всегда - серьеозное и мелкое в единой сцепке. Адская трагедия, а за ее спиной - одуряющий юмор. Брать только внешнее - не поймешь многого, брать только внутреннее - ощущение недосказанности. Одно отзеркаливает другое, и получается щедро и правдиво спеленный человек, Раневская.

Александра ДАНИЛОВА.